

...СМОГУ ЛИ ПОЛЮБИТЬ?
Санкт-Петербург в письмах Якова Виллие 2-го

Горько слышать, как кликушествоют противяндисты недоброежелательного отношения якобы всего мира к России. Наши собственные, посещающие многие то-шум разглагольствования на тему, что нас во все века все не любили и поныне не любят, пытающиеся изказать правду и поклеить патристические бастионы, думается, кому-то выгоды. Хочется возразить и защитить Россию от этой огульной лжи, поспешить с недружбами, хотя бы такими историческими примером.

Многие иностранцы — итальянцы и шведы, немцы и англичане, французы и другие европейцы — писали о России. Темы России касались классики мировой литературы — политики, короли, как, например, Шекспир, Рабле, Сервантес, кардинал Ришелье, английская королева Елизавета I, испанский король Филипп II. О России писали дипломаты и военные, художники и врачи, разведчики и купцы, писали по-разному: с восхищением и с завистью, с ненавистью и с восторгом. В XV веке в литературе европейских стран даже сложился особый художественный жанр, являющийся сочетанием о России иностранцев, побывавших в России, названный «Россика». Литературный свидетельствует о сложности, неоднозначности представлений о великой многонациональной стране. Но когда появился Санкт-Петербург, названный самым «европейским» из всех русских городов, спроектированный иностранными архитекторами и «вмещенный» в самый что ни на есть русский болотистый ландшафт руками русских рабочих, мнения всех иностранцев слились в единоегласное горю восхищения. «...невозможно без восторга созерцать этот город, возникший из моря по приказу человека и живущий в постоянной борьбе со льдами и водой... даже тот, кто не восхищается им, его боится — а от страха недалеко до уважения», — писал о Петербурге один из наиболее ярких критиков России маркиз де Кустиан Красотой Петербурга восторгаются, что раз увидевшие его пытаются понять тайну этой великой красоты. Из всех иностранцев, которые когда-либо писали о Петербурге, к разгадке этой тайны ближе многих, думается, подошёл Яков Васильевич Виллие 2-ой в своих письмах из Санкт-Петербурга, которые имеют не только политическое, культурное, но и литературное значение.

Мало кто сегодня знает о Якове Васильевиче Виллие 1-ом, тем более о 2-ом. Но думаю, в каждом русском сердце прибудет национальной гордости от знакомства с письмами, дневниками, воспоминаниями Якова Виллие 2-ого, в которых он очень честно, искренне пишет обо всём, что ему посчастливилось увидеть и узнать в русской столице.

«Пока я ещё не знаю, смогу ли полюбить эту страну. С момента приезда сюда я так волнуюсь, что голова идёт кругом, и должен сказать, что мне стоило больших усилий сосредоточиться, как я делаю это сейчас, когда пишу вам. Петербург действительно очень красивый город; здания просто великолепны, а люди, насколько мне удалось обнаружить, добрые и гостеприимные». Такое видение Петербурга пришло сразу к юному Якову Виллие 2-му, а в 1817 году прибывшему из Шотландии делать в России карьеру. Молодой медик решил отправиться в Северную столицу после приглашения своего дяди Якова Виллие 1-го, который, находясь на российской службе с 1790 года, дослужился до звания лейб-медика при Царском Александре I и долгие годы занимал должность президента Медико-хирургической академии. Яков Виллие 2-ой тоже оставил по себе благою память в истории русской медицины. А в русской истории в целом оставил драгоценным свидетельством эпохи его письма, которые можно назвать литературными гравюрами Петербурга начала XIX века, копии которых в 1908 году принёс в дар библиотеке Военно-медицинской академии сын знаменитого военного врача, известный русский художник Михаил Яковлевич Виллие.

Яков Виллие (Джеймс Уэйли (Wylie)) родился в январе 1795 года в городке Данди (Шотландия). Изучал медицину в Эдинбурге. Письма, написанные на английском языке весьма неразборчивым почерком медика, оказались буквально нечитаемыми и пролежали неизученными в библиотеке академии до 2000 года, пока её руководством не разрешило исследователям жизни и деятельности президента Медико-хирургической академии баронета Якова Виллие историком-любителем шотландцу барону Гордону Керру и русскому переводчику Юрию Бондаренко ознакомиться с «дневником в письмах» его племянника. Окончательно понять смысл и оценить историческую ценность всех 43 писем стало

возможным только после привлечения к работе историка-архивиста, доктора исторических наук, знатока русской истории Сергея Николаевича Исюпа.

В основном письма Якова Виллие 2-го к родственникам на родину имеют сугубо личный характер, но наблюдения, переживания, ощущения молодого человека, пытающегося прижиться в чужой стране, в этом случае имеют историческую ценность, так как в них он изображает не только красоту северного города, но, что важнее, анализирует постепенное слияние своей английской души с русским духом Петербурга, который он начинает понимать и пытается передать в своих записках. Молодой учёный с необыкновенной чуткостью фиксирует, как в его душе рождаются, развиваются, упрочняются корни любви к Петербургу и, как следствие, к России. Любовь эта так искренна, что Яков Виллие 2-ой честно и беззаветно служит всю свою жизнь России, а сын его с гордостью называет себя русским художником.

«Чтобы иметь возможность познакомиться с обычаями русских, хочу научиться их языку как можно быстрее, что, конечно, будет возможно, если я смогу постоянно слышать его. Я здесь нахожусь не так долго, чтобы сказать, придётся ли мне по вкусу Россия...»

Дома в Петербурге выглядят добротными и красивыми, а улицы широкие и протяжённые. Каналы пересекают весь город. На них полно судов, прибывших из глубины страны, нагруженных дровами на зиму, скотом, зерном и буквально всем, чем богата Россия. На всех главных улицах поперек проходят бульвары или дорожки, обсаженные деревьями и кустами для удобства пешеходов, а в это время, когда деревья покрыты густой листвой, ты не представляешь, как это красиво... Также möchte пойти в один из садов, разбитых вокруг дворцов, которых много в городе. Эти сады устроены в самой предвзятой манере, и любой прилично одетый человек может свободно ходить туда».

«...если я слышу и вижу великолепие самого красивого в мире города, явное гостеприимство его жителей, доброта, внимание, которые они выказывают иностранцам, роскошная жизнь, и всё такое подобное möchte войти на применение меня с Россией, то этого вполне достаточно».

Яков Виллие 2-ой не надеялся в России на лёгкую жизнь и был готов к трудностям. «С трудностями, с которыми я могу столкнуться, я должен справиться по мере сил, и надеюсь, что мне понадобятся много усилий, чтобы преодолеть их. Золотое время в России для иностранцев, по долгу видности, подошло к концу, и самые и неутомимые усилия будут требоваться от всех тех, кто теперь решит сделать её полем своей дальнейшей деятельности, а без этого ничего мало шансов на успех». Эти силы, видимо, давал молодому учёному Петербург. «Он превосходит всё, что я предполагал раньше, и я не был подготовлен к тому, что увижу. Я посетил Казанский собор и считаю, что он затмевает то описание, которое ты мне дал, хотя и хвалю его чрезмерно. Через много веков, когда российский император будет знать только по страницам истории и когда роскошь архитектуры собора исчезнет под скользящей дьявольской времени, только массивные гранитные колонны Казанского собора останутся достойными памятниками того времени. Историки и туристы будут приводить их как пример прежней силы и величия России, и будущие поколения будут взирать на них, как мы теперь смотрим на остатки Древней Греции и Рима, как доказательство истинности того, что рассказывают историки об их славе».

Но Яков Виллие 2-ой не только любит красотами Северной столицы и наблюдает за нравами её жителей. Он непрестанно совершенствуется, чтобы соответствовать этому великому городу, чтобы достичь уважения в петербургской научной среде. «Меня экзаменовали сорок два профессора, и экзамены продолжались два дня. Профессора дали самую благоприятную отзыв Министру народного образования, потому что необходимо, чтобы каждый выпускник Академии получал его санкцию. И мой имя будет сразу же опубликовано в «Русских ведомостях» с указанием присвоенного мне звания и что мне разрешено иметь практику».

С уважением Яков Виллие 2-ой пишет о русских военных хирургах, приводя следующие слова своего влиятельного дяди: «Мы — английские хирурги, — говорил он мне не раз, — считаете себя безупречными, думаете, что никто не может сравниться с вами, и полагаете, что русские медики и хирурги только немного лучше, чем мясники, но бываешь здесь недолго, вы поймёте свою ошибку. Придите в мою Академию, прозаконяйтесь на свой выбор любого студента и вскоре убедитесь, что они знают, по крайней мере, не меньше, чем студенты в Эдинбурге, Глазго или в Лондоне».

В своих письмах родным в Шотландию Яков Виллие 2-ой чаще говорит о количестве проделанных им операций, о числе пациентов, нежели о своей недостаточной зарплате. Иногда лишь посетует на то, что в смысле материального обеспечения должен полагаться только на щедроты всемогущего Бога по части мяса, напитков и других вещей в этом же письме продолжает: «...когда приближаешься к городу водой от Кронштадта, который находится от него в 25 милях и является огромным складом для всех судов из-за того, что им не хватает глубины чтобы паровать без

который затрудняет проход в реку в 2-3 милях от города, он действительно выглядит огромным и внушительным. Длинный ряд великолепных зданий, местами прерываемый возмущающимися шпилями церквей или публичных построек, тянется вдоль берегов Невы насколько хватает глаз; сама по себе река, представляющая длинное и чистое водное пространство, очень красива. Вдоль её берегов, укрепленных мощными набережными, построенными из массивных гранитных блоков, тянутся суда и маленькие лодки, которые постоянно курсируют, перевозят пассажиров из одной части города в другую, разделённые реки. Также её пересекают наплавные мосты для удобства передвижения экипажей; она достаточно глубока даже у самых берегов, чтобы по ней могли ходить довольно крупные суда, так что можно плыть в нескольких ярдах от домов вдоль набережных; там и сям видны каналы, отходящие от главного русла реки в разные части города, по которым огромные баржи, плывущие с верховьях, доставляют прямо к дверям домов дрова на зиму, всевозможную провизию, зерно. Дома, многие из которых каменные, но в большинстве построены из кирпича, оштукатуренные, а затем побелённые, аккуратные, красивые, а улицы просторные и длинные; Принеситри в Эдинбурге не идёт ни в какое сравнение с некоторыми из них. Многие публичные здания построены с огромным вкусом, добавляют дополнительную красоту и разнообразие городу».

«Я изо всех сил стараюсь сделать из себя русского. Это хорошее правило: «Когда ты в Риме, веди себя как римлянин». И я стараюсь вполне ответственно исполнить все обязанности русских людей. Если бы не существовало строгого закона, запрещающего всем, находящимся на государственной службе, носить бороды, я бы лелеял её с настоящей патриархальной заботливостью, для того, чтобы сделать свою метаморфозу более полной».

Но очевидно, что эта метаморфоза уже произошла, коль Яков Виллие 2-ой находил такие слова: «Лёд, который шестнадцать месяцев скрывал от нас нашу Неву, сегодня утром наконец исчез, и река стала совсем чистой. Но через несколько дней она опять будет забита льдом, который пойдёт из огромного Ладожского озера. Это тот лёд, который, идя из озера в начале зимы и смерзаясь в сплошную массу, перекрывает нашу реку». (Для сравнения: ныне современные политики и журналисты свою исконную Родину-Россию называют эта страна!)

Через год пребывания в Санкт-Петербурге Яков Виллие 2-ой пишет своим родственникам: «Мы все сейчас здесь леем очень оптимистические надежды, и, действительно, есть все причины надеяться, что произойдёт очень серьёзное улучшение в условиях русских военных хирургов. Что касается меня, то мне служба очень нравится, и я себя в ней чувствую очень комфортно... Надеюсь, вы не будете очень расстроены узнав, что я чувствую себя вполне довольным и счастливым в России!»

Яков Виллие 2-ой стал старшим доктором Генерального сухопутного госпиталя в Петербурге, потом старшим доктором Главнейшей кавалерий, надворным советником. С марта 1824 года — личный врач великого князя Михаила Павловича и его супруги великой княгини Елены Павловны с одновременным исполнением должности диспансерного доктора по артиллерии. Принимал участие в Русско-турецкой войне (1828-1829), а также в польской кампании 1831 года, награждённый многими российскими орденами, ему было присвоено звание Почётного лейб-медика. Он женился на дочери лейб-медика Императрицы Марии Фёдоровны И. Ф. Роля — Вере Ивановне, имел трёх дочерей и сына, скончался в 1850 году, погребён на Смоленском лютеранском кладбище Санкт-Петербурга.

Вот так в самом по своему силуэта «европейском» из всех русских городов Санкт-Петербурге происходило веление чуда одухотворения иностранной души русским духом, потому что Петербург — есть по сути своей духовной исконно русский город, рождённый в муках, хранимый скорбями и жертвами, город, построенный с любовью и щедро любовь дарующий благодатной своей красотой.